

А. М. ЩЕРБАК

ОБ АЛТАЙСКОЙ ГИПОТЕЗЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

От редакции. Публикуемая статья А. М. Щербак приводит краткие сведения по историографии вопроса о близости между алтайскими языками, которая объясняется различными учеными либо первоначальным генетическим родством этих языков, либо их конвергентным развитием. При этом автор статьи в общем примыкает к последней точке зрения.

Отмечая чрезвычайную сложность вопроса и недостаточность сравнительно-исторических исследований по алтайским языкам, особенно в части этимологического изучения корневого состава лексики этих языков, редакция находит, что А. М. Щербак в своей статье касается лишь некоторых вопросов алтаистики, в частности, явно переоценивая при этом значение так называемого «закона Рамштедта—Пеллио». Тем не менее редакция считает, что данная статья может представить известный интерес для широкого круга читателей в силу актуальности затронутого вопроса, который в последнее время вновь начинает привлекать к себе внимание многих ученых как у нас, так и за рубежом, например на международных конгрессах востоковедов, на различных алтаистических семинарах и сессиях [Майнц (ФРГ) и др.].

В настоящее время вопросы, относящиеся к так называемой алтайской гипотезе, вновь привлекают внимание специалистов, работающих в области сравнительной грамматики тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Обусловлены ли связи, обнаруживаемые в лексике и грамматике, в звуковой и грамматической структуре слов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других, обычно причисляемых к алтайским языкам, их происхождением из одного языка-основы или же эти связи носят характер взаимовлияний (имевших место на протяжении длительного периода времени) — вот основной вопрос алтаистики в ее лингвистическом аспекте. Он поставлен в середине XIX в. и остается открытым вплоть до настоящего времени. В этой статье мы не ставим перед собой задачи решить данный вопрос. Наша цель — показать истоки алтаистики и ее современное состояние.

1

В числе основоположников алтаистической точки зрения обычно называют Р. Раска, выделившего целый ряд языков Урала и Сибири в так называемую скифскую группу, а также И. Страленберга и А. Ремюза, выделивших приблизительно те же языки под наименованием «татарских»¹.

Впервые термин «алтайские» был употреблен в середине XIX в. В. Шоттом и М. А. Кастреном², исходившими из предположения, что прародиной многих близких языков северо-восточной части Европы и Сибири был Алтай. Кастрен и Шотт явились вместе с тем первыми исследователями, взявшими на себя задачу научно обосновать родство алтайских языков, к которым они относили языки финнов, тюрков, самоедов, монголов и тунгусов, т. е. языки, впоследствии называемые урало-алтайскими.

¹ См. об этом: O. Donner, Die ural-altaischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. I, Hf. 1, 1901, стр. 129; см. также J. Deny, Langues turques, langues mongoles et langues tongouses, сб. «Les langues du monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et M. Cohen», Paris, 1924, стр. 185, 186.

² M. A. Castrén, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, St. Petersburg, 1857, стр. 14, 18; W. Schott, Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht, Berlin, 1849, стр. 1.

Определение состава алтайской семьи (resp. урало-алтайской) во второй половине XIX в. шло как по линии уточнения родственных связей между теми языками, о которых говорили М. А. Кастрен и В. Шотт, так и в направлении поисков других возможных представителей алтайской общности. В связи с этим делались попытки включить в урало-алтайскую семью кавказские языки, дравидские (точнее сказать — «все особенности грамматической структуры, которыми дравидские языки отличаются от санскрита») ¹, японский ², затем кетский и некоторые другие енисейские языки (коттский, аринский, ассанский) ³. Многие языки сближались с урало-алтайскими путем сопоставления их с какой-либо определенной ветвью этих языков. Так, например, предполагалось наличие родства между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и шумерским, с другой ⁴, между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и корейским ⁵.

Таким образом, границы алтайской языковой общности оказались раздвинутыми от Скандинавии на северо-западо до Японских островов на юго-востоке и до Чукотского полуострова на северо-востоке. Следует, однако, заметить, что не всегда в основе стремлений расширить границы алтайского языкового мира лежали чисто научные мотивы и соображения.

Что касается языковых признаков, которые использовались раньше и используются в настоящее время для установления родства урало-алтайских языков, то следует заметить, что в этом отношении нет единства в среде алтаистов. Однако большинство из них (М. А. Кастрен, Г. Винклер, А. Соважо и др.) объединяющими признаками считают гармонию гласных, способ образования грамматической формы, отсутствие префиксов и предлогов, неизменность склонения и координативную структуру предложения, а также указывают на наличие большого количества лексических параллелей ⁶. В. Банг и Ю. Немет называют, кроме того, конкретные признаки из области морфологии ⁷.

Сомнения относительно истинности алтайской (resp. урало-алтайской) гипотезы возникли одновременно с возникновением этой гипотезы ⁸. Постепенно эти сомнения возрастали, число сторонников урало-алтаизма все уменьшалось, тогда как ряды противников непрерывно росли. Из числа последних часть выступала против принципов выделения урало-алтайских языков и отрицала наличие такой языковой семьи вообще, часть высказывалась против возможности отнесения к урало-

¹ R. Caldwell, A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages, 3-rd ed., London, 1913. Библиографию см.: К. В о u d а, Dravidisch und Uralaltaisch, «Uralaltaische Jahrbücher», Bd. XXV, Hf. 3—4, 1953, стр. 173.

² См.: G. J. Ramstedt, A comparison of the Altaic languages with Japanese, «Transactions of the Asiatic society of Japan», Second series, vol. I (1923, 1924), Tokyo, 1924; W. Fröhle, Studien zur Vergleichung des japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen, «Keleti szemle», t. XVII, sz. 1—3, Budapest, 1916—1917.

³ Библиографию по этому вопросу см.: Н. К. Каргер, Кетский язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», т. III, М.—Л., 1934, стр. 223—224.

⁴ См. F. Hommel, Ethnologie und Geographie des alten Orients, München, 1926, стр. 21—22.

⁵ См. G. J. Ramstedt, Über den Ursprung der türkischen Sprache, «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften», Helsinki, 1935, стр. 86—89; е го ж е, A Korean grammar, Helsinki, 1939, стр. 20—21.

⁶ См.: M. A. Castrén, указ. соч., стр. 17, 18; H. Winkler, Die altaische Völker- und Sprachenwelt, Berlin, 1921, стр. 32; A. Sauerageot, Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques, Paris, 1930, стр. XXI, XXVI. Большое количество общих слов устанавливает также М. Ряснен (см. M. Räsänen, Uralaltaische Wortforschungen, Helsinki, 1955).

⁷ W. Bang, Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. IX, 1895, стр. 267—276; е го ж е, Uralaltaische Forschungen, «Einzelbeiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft», Hf. X, Leipzig, 1890, стр. 1—44; J. Németh, Probleme der türkischen Urzeit, «Analecta orientalia memoriae A. Csoma de Kőrös dicata», vol. I, Budapestini, 1942, стр. 82—83.

⁸ См. O. Böttlingk, Über die Sprache der Jakuten, St. Petersburg, 1851, стр. XXXIV.

алтайской общности тех или иных конкретных языков, например корейского, японского и др.¹ С резкой критикой алтайской гипотезы выступил С. М. Широкогоров².

Сомнения в возможности установления системы строгих соответствий и доказательства родственных связей между разными группами урало-алтайских языков так или иначе высказывались почти всеми сторонниками алтаизма. Так, например, М. А. Кастрен — один из основоположников алтайской гипотезы — отмечает то обстоятельство, что многие из урало-алтайских языков «стоят в очень отдаленном отношении друг к другу»; в особенности это касается финского, с одной стороны, монгольского и тунгусского языков, с другой³. Явно сочувствующий алтайской гипотезе А. Соважо не решается считать установленным происхождение от общего предка даже тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков⁴. Серьезные сомнения высказывают также Г. Рамстедт и Ю. Немет⁵.

Кризис гипотезы об урало-алтайском родстве вызывает необходимость дополнительной проверки ее при помощи новейшей методики⁶ и приводит к поискам новых путей объяснения сходных особенностей уральских и алтайских языков. Получает широкое распространение квалификация урало-алтайских языков как обобщенного лингвистического типа, характерного для определенного географического района на континенте Евразии⁷. В основу выделения этого типа и вообще подобных типов (циклов) положена точка зрения о возможности наслаивания на генетические признаки признаков исторических, причем именно совокупность последних позволяет объединять языки разных языковых семей.

В связи с новым подходом к алтайской проблеме происходит разделение урало-алтайских языков на две группы: уральскую и алтайскую. При этом, с одной стороны, усиливается тенденция сблизить уральские языки с индоевропейскими⁸, с другой стороны, намечается стремление уточнить состав и обосновать генетическое родство алтайских языков⁹.

Основными подразделениями алтайской общности новая алтаистическая традиция называет тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки¹⁰. К числу признаков, позволяющих выделить эти три группы,

¹ См., например, Shirogoff, The relationship between Japanese and the Luchuan, Korean and Altaic languages, «The Japanese journal of ethnology», vol. XIII, № 3, Tokyo, 1948.

² S. M. Shirokogoroff, Ethnological and linguistic aspects of the Ural-altaic hypothesis (Reprinted from «Tsing Hua journal», vol. 6), Peiping, 1931, стр. 55—56, 89—90, 162, 168.

³ M. A. Castrén, указ. соч., стр. 14.

⁴ См. A. Sauvageot, указ. соч., стр. XXX.

⁵ G. J. Ramstedt, Über den Ursprung der türkischen Sprache, стр. 91; J. Némethi, The ancient relation between the Uralic and the Turkish languages, «Nyelvtudományi Közlemények», kötet XLVII, szám 1, 1928, стр. 62—84. Итоги продолжительным исследованиям в области урало-алтайских языков подводит Т. Себеок (T. A. Sebeok, The meaning of «Ural-Altaic», «Lingua», vol. II, 2, Haarlem, 1950, стр. 135, 136).

⁶ Так, Б. Коллиндер, например, пользуется при этом статистическим методом [см. B. Collinder, La parenté linguistique et le calcul des probabilités, «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar» («Uppsala universitets årsskrift», 1948 : 13), 1948]. Критическое изложение содержания этой статьи см.: V. Pisaní, Parenté linguistique, «Lingua», vol. III, 1.

⁷ См. T. Milewski, Zarys językoznawstwa ogólnego, cz. II, zes. 1, Lublin—Kraków, 1948, стр. 205—206.

⁸ Историю развития этой тенденции см.: B. Collinder, Zur indo-uralischen Frage, «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar» («Uppsala universitets årsskrift», 1954 : 10), 1954.

⁹ Д. Синор высказывает предположение о том, что родственными уральским, или финно-угорским, языкам из алтайских могут быть только тюркские (D. Sinor, Le problème de la parenté des langues ouralo-altaïques, «La revue de géographie humaine et d'ethnologie», vol. I, № 1, Paris, 1948, стр. 68, 69).

¹⁰ Иногда сюда же относят корейский язык, точнее — то, что не является в корейском языке китайским вкладом (см. G. J. Ramstedt, The relation of the Altaic languages to other language groups, «Journ. de la Société finno-ougrienne», [vol.] LIII, (1946—1947), Helsinki, 1947, стр. 15).

В. К. Метьюс относит гармонию гласных, двойственное деление твердых взрывных согласных, тенденцию избежать начальные звонкие, ясность и устойчивость гласных, неустойчивость конечного *н/м*, отсутствие группы согласных звуков в начале и конце слова, отсутствие долгих или удвоенных согласных и расположенность к открытым слогам¹. Е. Д. Поливанов со своей стороны указывал на исключительно суффиксальный тип морфологии, постоянное место (на начальном слоге) и экспираторный характер ударения, «приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы» (односложные и двусложные комплексы)², сингармонизм³, сходства общего характера в составе фонетической системы. Много усилий в области разработки сравнительной фонетики и грамматики алтайских языков приложил Г. Рамстедт, разработавший наиболее полную систему звуковых соответствий и соответствий грамматических форм⁴.

Ж. Дени, автор общей части описания тюркских, монгольских и тунгусских языков в новом издании книги «Языки мира», общими чертами всех трех групп считает следующие. В области фонетики — гармонию гласных (причем гармония гласных небного притяжения отражается на некоторых согласных, главным образом «гutturальных»), стремление (преимущественно в тюркских языках) избежать в начале слова сонорных, незначительную роль полугласных (*ш* — позднее явление), неустойчивость конечного *н*, отсутствие геминированных согласных в основе и в изолированных аффиксах, отсутствие стечений согласных в начале слова, по крайней мере когда первый из них не есть иланный сонорный (*р*, *л*). В области морфологии — отсутствие грамматического рода, наличие только двух грамматических чисел, возможность использования так называемых «обнаженных» корней, агглютинативно-суффиксальный характер морфологии (отсутствие префиксов), отсутствие предлогов (их заменяют послелогов), наличие одного типа спряжения и т. д. В области синтаксиса — порядок слов в предложении (второстепенные члены предшествуют главным), почти полное отсутствие союзов и относительных местоимений (придаточным предложениям индоевропейских языков соответствуют «квази-предложения», т. е. группы слов, оканчивающиеся именными формами глагола: именами действия, причастиями, герундивами). Общими для всех трех групп являются аффикс местного падежа *-дä*, аффикс *-ки*, сопровождающий локатив, и аффикс род. падежа; имеют много сходства личные местоимения⁵.

По мнению Б. Я. Владимирцова, «на родственную связь между монгольским, тюркским и тунгусским указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, частности морфологии этих языков»⁶. Изучению в сравнительно-сопоставительном плане фонетики и морфологии алтайских языков посвящены некоторые статьи М. Левицкого, а также многие работы В. Котвича⁷, отличающиеся

¹ W. K. Matthews, *Languages of the USSR*, Cambridge, 1951, стр. 53.

² См. Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков, ИАН СССР, Серия VI, 1927, № 15—17, стр. 1198.

³ «Сингармонизм... в современном корейском языке отсутствует. Но пережитком его можно считать уцелевшие донные чередования вроде *a/A...*» (там же, стр. 1199).

⁴ G. J. Ramstedt, *Studies in Korean etymology*, II, Helsinki, 1953, стр. 10—12; егo же, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, 1952.

⁵ Сб. «Les langues du monde...», Nouvelle édition, 1952, стр. 319—320, 322—330.

⁶ См. Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика, JL, 1929, стр. 46.

⁷ См., например: M. Lewicki, *Przyrostki przysłówkowe -ra~-rā, -ru~-rū, rī~-ri w językach alajskich*, Wilno, 1938; W. Kotwicz, *Contributions aux études altaïques*, I—III, «Rocznik orientalistyczny» (RO), t. VII (1929—1930), Lwów, 1931, IV—V — RO, t. XII, Lwów, 1936; егo же, Les éléments tures dans la langue mandchoue, RO, t. XIV (1938), Lwów, 1939; егo же, Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936.

богатством материала, глубиной анализа и большой осторожностью в объяснении сходных или совпадающих языковых фактов.

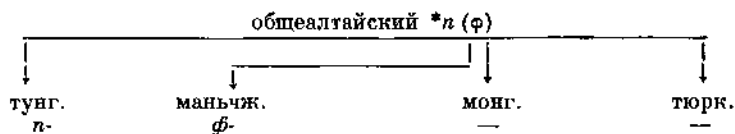
Ошибочно было бы думать, что выделение алтайской семьи в новом варианте, т. е. в составе указанных выше трех или четырех групп, является уже достаточно обоснованным и не вызывает таких сомнений, какие возникали, например, при выделении алтайской семьи в составе уральских и собственно алтайских языков. О недостаточной обоснованности уже известных положений алтаистики или вообще о невозможности доказать наличие родственных связей между отдельными группами собственно алтайских языков так или иначе говорит большинство специалистов, работающих в соответствующей области. Например, И. Бенцинг полагает, что на вопрос о том, родственны ли тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, нельзя ответить ни утвердительно, ни отрицательно до тех пор, пока не будут тщательно исследованы языки каждой из указанных групп и пока не будут выяснены как все их особенности, так и объединяющие их моменты¹. С большой решительностью против алтайской теории в последнее время выступает Г. Клоусон, подчеркивающий, что в основе многих общих тюрко-монгольских языковых явлений лежат продолжительные взаимодействия этих языков². Этот же момент отмечает и Л. Литети, для которого родство так называемых алтайских языков является все же «очень вероятной гипотезой»³. Безоговорочно алтайскую гипотезу поддерживает Н. А. Баскаков⁴ и др.

Для характеристики современного состояния алтайской теории чрезвычайно важным является то, что до настоящего времени не была разработана четкая методика сравнительного исследования алтайских языков даже такими наиболее выдающимися алтаистами, как Г. Рамstedт и Б. Я. Владимирцов. Представляется знаменательным и тот факт, что такой крупный специалист в области алтаистики, как В. Котвич, уделивший много внимания изучению алтайских связей, в последние годы своей жизни признал несостоятельность гипотезы о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков⁵.

2

Ниже мы рассмотрим фонетический закон Рамstedта—Пеллио и остановимся на некоторых алтайских праформах, восстановленных главным образом для тюркских и монгольских языков. Закон Рамstedта—Пеллио не является основным в системе доказательств генетического родства алтайских языков, тем не менее это — единственный фонетический закон, установленный на материалах всех трех языковых групп.

Закон Рамstedта—Пеллио выражается в следующей схеме:

¹ См. J. Benzing, Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie, Wiesbaden, 1953, стр. 4.

² G. Clauson, The case against the Altaic theory, «Central Asiatic Journal», vol. II, № 3, The Hague—Wiesbaden, 1956, стр. 181—187.

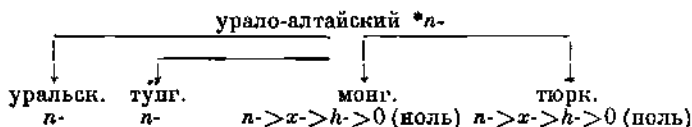
³ Л. Литети, [см. на кн.:] Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, ГИЯ, 1955, № 5, стр. 134.

⁴ См. предисловие Н. А. Баскакова (стр. 5) к кн.: Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957.

⁵ См. W. Kotwicz, Studia nad językami altajskimi, RO, t. XVI (1950), Kraków, 1953, стр. 307—314. Общие вопросы алтаистики обсуждались на XXIV Международном съезде естествоведов в Мюнхене в 1957 г. (материалы еще не опубликованы) и на заседании вновь созданного алтаистического семинара в Майнце в 1958 г.

Г. Рамстедт высказывает предположение о том, что в алтайском языке в начале слова существовал некий глухой спирант ϕ , который в современных алтайских языках отразился по-разному или вообще не оставил никаких следов¹. В отличие от Г. Рамстедта, П. Пеллио считает этот изначальный глухой не спирантом, а смычным звуком².

В дальнейшем схема закона Рамстедта — Пеллио становится более развернутой благодаря тому, что А. Соважо включает в нее также уральские языки³:

«Заключение из всего этого, — пишет А. Соважо, — таково, что закон Рамстедта, проверенный Пеллио для древнемонгольского языка, подтверждается, с другой стороны, сравнением с языками, составляющими уральскую группу»⁴. В общем уранло-алтайском языке, по мнению А. Соважо, смычный лабиальный *n мог чередоваться со звуком *b⁵.

Новейший вариант закона Рамстедта — Пеллио воплощен в схеме Д. Синора⁶, куда оказались включенными не только уральские, но и индоевропейские языки:

Создавая эту схему, Д. Синор опирается на некоторые соответствия, обнаруженные в свое время Ю. Х. Тойвоном и распространяющиеся, по мнению Д. Синора, на индоевропейские языки. Ср., например: др.-тюрк. *adaк* (*azak~ajak*) «нога», чуваш. *ура*, угорск. *nid~nod*, санскр. *pad*, лат. *pedis* (*ak* в др.-тюрк. *adaк* Д. Синор рассматривает как морфологический элемент)⁷.

¹ См. G. J. Ramstedt, Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, «Journ. de la Société finno-ougrienne», vol. XXXII, Helsingfors, 1916—1920. В несколько своеобразной форме этот закон излагает впервые В. Томашек (см. его «Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden», I, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Classe, Bd. CXVI, 1888, стр. 46).

² P. Pelliot, Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles, «Journ. asiatique», t. CCVI, fasc. 2, 1925, стр. 263.

³ A. Savaжo, Recherches..., стр. 62.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 59—62.

⁶ D. Sinor, Ouralo-altaïque — indo-européen, «T'oung Pao», vol. XXXVII, livr. 5, 1943, стр. 235.

⁷ Там же, стр. 228.

С учетом схемы Д. Синора предложил свой вариант Л. Гамбис¹:

Проверка и конкретизация закона Рамстедта — Пеллио производилась главным образом на материале монгольских языков². Итоги многочисленных исследований в этой области подведены Г. Д. Санжеевым: «...отличия одних монгольских диалектов от других в то время (имеется в виду XIII в. — А. III.) сводились в основном к различной степени эволюции начального губного n от ϕ до нуля: одни диалекты еще сохраняли этот начальный губной n , другие изменили последний на проточный h , а третьи утратили и этот h . Несомненным потомком первых является ныне монгольский язык. Ойратские диалекты в XIII в. имели начальный ноль вместо бывшего согласного n »³. Г. Д. Санжеев приводит далее следующие примеры:

монгол.	средне-монг.	халха-монг.	
<i>фйн</i>	<i>һон</i>	<i>он</i>	«год»
<i>фбди</i>	<i>һодун</i>	<i>одун</i>	«звезда»
<i>фуда</i>	<i>һугута</i>	<i>утә</i>	«сума, мешок»
<i>фугор</i>	<i>һукер</i>	<i>ухёр</i>	«бык, корова»
<i>гарга</i>	<i>һалага</i>	<i>алага</i>	«ладонь»
<i>гарван</i>	<i>һарбан</i>	<i>арван</i>	«десять»
<i>хегі</i>	<i>һекін</i>	<i>ехін</i>	«начало»

Из сформулированных Г. Д. Санжеевым выводов следует, что материалы монгольских языков как будто бы подтверждают гипотезу Рамстедта — Пеллио. Однако можно возразить Г. Д. Санжееву в отношении возможности изменения $x(h) > n$.

Проверка закона Рамстедта — Пеллио на тунгусском материале не привлекла такого внимания исследователей, как это имело место среди монголистов. Тем не менее следует отметить, что случаи проявления в тунгусских языках начального билабиального или аспирированного перед аспирированными или неаспирированными гласными указывались А. Шифнером, Л. Адамом и В. Грубе.

Специально вопрос о возможности применения закона Рамстедта — Пеллио к тунгусскому материалу изучался С. М. Широкогоровым, который в конечном итоге пришел к отрицательным выводам. Различные начальные звуки, нерегулярно обнаруживающиеся перед гласными (x , h , ϕ , n), Широкогоров объяснял как результат явлений аспирации и билабиализации, из которых первое рассматривалось им как неосознаваемый процесс сохранения, или предохранения («of preservation») гласных, функционально соответствующий их акцентуации⁵.

¹ L. Hamblis, Grammaire de la langue mongole écrite, pt. 1, Paris, 1945, стр. 78.

² См. указанные выше работы П. Пеллио; можно назвать также: A. Mosier, A. de Shmet, Le dialecte mongol parlé par les mongols du Kansu occidental, «Anthropos», Bd. XXV, Hf. 3, 4, 1930. Вопрос о начальном h в монгольских языках рассматривался в работе: М. П. Хомов, Исследование слов с начальным h в монгольских языках в свете нового учения о языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1950.

³ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 11; ср. также стр. 24 и 29.

⁴ Раздел, посвященный этому звуку, имеется в работе: В. И. Ципицус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 247.

⁵ S. M. Shirokogoroff, Ethnological and linguistical aspects..., стр. 103, 104, 109, 118, 120; его же, Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages, RO, t. VII (1929—1930), Lwów, 1931.

Разбор производимых П. Пеллио сопоставлений позволяет заметить, что многие из них не являются достаточно обоснованными. Некоторые слова, такие, как *hüker* «бык», *hüre* «зерно, плод», относятся к числу так пазываемых *Kulturwörter*, границы распространения которых довольно неопределенны. По поводу же таких сопоставлений, как *heregei* и *бармак* «(большой) палец», *heligen* и *бағир* «печень», *herbegei* и *köbäläk* «бабочка», *hodun* и *жултуз* «звезда» и т. д., следует сказать, что они не имеют под собой никакой почвы.

Между тем в настоящее время известно значительное число слов, которые в одном или нескольких тюркских языках характеризуются наличием начального придыхательного или губного согласного. Ср.:

гагауз. *xaiva* «айва», азерб. *xäiva*, МК I 144¹ *avja* (<*aiva*);
гагауз. *xa'ir* «жеребец», башк., кирг., татар., узб., уйг. *aiğır*, МК I 18 (см. также 95) *adğır*;

гагауз. *xarmut* «груша», азерб., татар. *armud*, уйг. *амут*;
узб. *xökiz* «бык», азерб. *öküz*, казах. *ögiz*, гагауз. *jöküz*, чуваш. *вăкăр*, МК III 421 *окүз*;

узб., уйг. *xöl* «влажный», тув., хакас. *öl*;

уйг. *xarçu*, *xarva* «телега», азерб., кирг. *араба*, чуваш. *урапа*;

уйг. *xarak* «водка», татар. *арак*, узб. *арак*, чуваш. *ӳрӳк*;

уйг. *xärrä* «оса, пчела», узб. *äri* (*bäl äri*);

уйг. *xäcäl* «мед», узб. *äcäl* и др.

Появление аспирата перед широкими гласными, насколько можно судить об этом по приведенным примерам, имеет место главным образом в гагаузском и уйгурском языках, перед узкими — в уйгурском и узбекском; появление же губного наблюдается только в чувашском языке [*вăкăр* «бык»; ср. также чуваш. *вӳр* «жать», татар. *ур*, МК I 172 *ор*; чуваш. *вăл* «он», татар. *ул*, МК I 21 *ол*; чуваш. *вутă* «дрова», татар. *утын*; чуваш. *вӳрӳн* «место», татар. *орун*, МК III 222 *орун*, *урун*; чуваш. *вӳрӳн* «учиться», татар. *ӳрӳн*; чуваш. *виç* «три», татар. *өч*, узб. *ўч*; чуваш. *вун* «десять», татар. *ун*; чуваш. *вăрăм* «длинный», татар. *озин*, узб. *узун*; чуваш. *вăрман* «лес», татар. *урман*, узб. *орман* и т. д.]. Кроме того, в гагаузском языке перед узкими гласными появляется так называемый протетический *j* (*jöküz* «бык»). Итак, в современных и древних тюркских языках обнаруживаются три разновидности Vorschlag'a: *x*, *v* и *j* (казах. *ögiz* «бык»; ср. узб. *xökiz*, чуваш. *вăкăр*, гагауз. *jöküz*).

Представляется ли возможным возвести указанные звуки к единому общетюркскому прототипу? На этот вопрос, пожалуй, следует ответить отрицательно. Восстановление в данном случае единого прототипа затруднено следующими обстоятельствами:

1. Соответствие начальных $x \sim v \sim j \sim 0$ (ноль) или $x \sim v \sim 0$ (ноль) находит свое подтверждение полностью чуть ли не в одном только случае (узб. *xökiz* «бык», чуваш. *вăкăр*, гагауз. *jöküz*, казах. *ögiz*). Во всех других случаях мы имеем дело с тремя рядами соответствий: $x \sim 0$ (ноль); $v \sim 0$; $j \sim 0$, которые невозможно свести в один ряд.

2. Соответствия $x \sim 0$ (ноль), $v \sim 0$, $j \sim 0$ встречаются только в начале слова и только перед гласными.

3. Звуки *x*, *v* и *j*, спорадически присутствующие в слове и выступающие перед начальными гласными, в значительной части случаев служат как бы для акцентуации качественного своеобразия гласных (так, например, *v* в чувашском языке выступает только перед общетюркскими губными гласными).

4. Соответствия $x \sim 0$ и $j \sim 0$ в тюркских языках не являются регулярными и не подчиняются строгим правилам. Возьмем, например, *avja*

¹ Нами принято следующее сокращение: МК (I—III) — [Mahmud Kaşqari], *Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, çeviren B. Atalay, cilt I — III, Ankara, 1939—1941.

«айва». В гагаузском и азербайджанском языках оно выступает с начальным *x* (*xajva*; *xəjva*). Однако аналогичное по своим фонетическим данным слово *арба*, *араба* «телега» в азербайджанском языке не имеет начального *x*; в то же время в уйгурском в этом слове имеет место начальное *x* (*xarwa*, *xarwu*). Точно так же начальный *x* отсутствует в азерб. *армуд* «груша», отмечаемом в гагаузском языке в виде *хармут*. То же самое следует сказать относительно соответствия *j* ~ 0, добавив только, что его довольно позднее появление в начале слова перед гласным не вызывает, пожалуй, никаких сомнений. О позднем появлении факультативного начального *j* (в качестве своеобразной протезы, может быть, на почве инкурсии) свидетельствуют случаи стяжения широких гласных, ставшие возможными только благодаря наличию перед ними этого звука (ср. *ağac* «дерево» > *jağac* > *jəğac*, *ağla-* «плакать» > *jağla-* > *jəğla-*). Соответствие *v* ~ 0 является вполне систематичным, однако вследствие наличия *v* (~ 0) только в чувашском языке, это соответствие следует рассматривать как возникшее в результате своеобразного развития чувашских начальных губных гласных. Об относительно позднем происхождении *v* в чувашском языке может свидетельствовать отсутствие его в соответствующих словах венгерского языка, которые могли быть заимствованы только из древнечувашского языка (имеются в виду слова ротацирующего типа) (ср. венг. *őkör* «бык», др.-чуваш. **ököp*¹).

Из всего изложенного следует, что наличие так называемых «приставных» согласных в начале некоторых слов в ряде тюркских языков не может рассматриваться как свидетельство сохранения этими языками следов праалтайского или пратюркского смычного. Упомянутые «приставные» согласные — продукт явления, имевшего место во многих языках² и заключавшегося в том, что начальные гласные в этих языках почти всегда имели слабую инкурсию, которая в зависимости от разных условий могла приобретать совершенно конкретное звуковое качество или сохраняться в несколько неопределенном виде. Б. Я. Владимирцов объясняет это явление (для монгольского языка) физиологическими причинами: «...в полости рта, — пишет он, — органы речи принимают необходимое для выявления данного гласного положение до появления голоса, до звучания голосовых связок...»³.

Таким образом, закон Рамштедта — Пеллио в отношении тюркских языков может быть справедлив лишь в том случае, если он будет восприниматься не в его историко-лингвистической обусловленности, а в плане общих линий развития языка, обусловленных обстоятельствами физиологического порядка.

Как уже упоминалось выше, Г. Рамштедт в своих последних работах сделал попытку восстановить алтайские праформы и разработал систему звуковых соответствий между алтайскими языками. Исследованиям Рамштедта в современной алтаистике придается большое значение, и Б. Коллиндер счел возможным заявить следующее: «Есть или были недавно алтаисты, которые не считали, что алтайские языки имеют общее происхождение. После появления Алтайской морфологии Г. Рамштедта это отрицательное отношение может быть названо скорее скептическим, чем критическим»⁴.

Так ли обстоит дело в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, насколько обоснованы восстанавливаемые Г. Рамштедтом алтайские праформы. Ограничимся морфологией. Рамштедт

¹ См. Z. Gombocz, Die Bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki, 1912, стр. 111.

² См. P. Aalto, On the Altaic initial *p-, «Central Asiatic Journal», vol. I, № 1, [1955], стр. 15.

³ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 54.

⁴ B. Kollinder, Remarks on linguistic affinity, «Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXVII, Hf. 1—2, 1955, стр. 2.

восстанавливает общеалтайский аффикс мн. числа *-nar* (< **nar* «совокупность»); ср. тюрк. *-лар*, монг. письм. *-nar*; ср. также нанайск. *lari* «рядом, с»; якут. *nār* «вместе с», «совместно»¹. Прежде всего напомним, что Э. К. Пекарский с полным основанием возводил якутское *nār* к монг. письм. *naiṛ* «согласие, гармония...»². Заметим далее, что есть данные, позволяющие рассматривать монг. письм. *-nar* как заимствование из тюркских языков.

О тюркском происхождении монг. письм. *-nar* свидетельствует тот факт, что в древнемонгольском языке эта форма использовалась ограниченно³, и — наоборот — широко употреблялась в XIV—XV вв. у западных монголов, подвергшихся, как известно, сильному влиянию тюрков (см. Сл. Замахшари II, 100: *kibeler* «делали», 106: *asaqbaṭar* «спрашивали», 121: *boṛtaṭdubatar* «перерезали друг другу горло», 164: *eriltüler* «просьбы», 214: *keleldübler* «беседовали», 297: *qābatar* «закрыли», 303: *söküldebeler* «ругались»). В тюркских языках аффикс *-лар* ~ *-lär* является единственным общераспространенным морфологическим показателем множественности на протяжении всего периода существования письменности (с VIII в.).

Что касается перехода начального *л* в *н*, то для монгольского письменного языка это вполне обычное явление; ср. монг. письм. *naṣin* «сокол» (< тюрк. *lačın*), *nojon* «нойон» (< кит. *лао-йе*). Примечательно также и то, что в монгольских языках к аффиксу *-nar* присоединяются другие показатели множественности; ср. ойратск. *axnär müd* «старшие», классич. монг. *ламанаруд* «ламы»⁴.

Нет достаточных оснований считать общей тюрко-монгольской, или — шире — алтайской, формой и аффикс отыменного глаголообразования *-а*. В монгольском письменном языке известны всего лишь две глагольные основы на *-а*: *dana-* «пускать кровь» и *sana-* «думать»; обе они неразложимы, и их морфологический состав устанавливается лишь благодаря привлечению тюркских материалов; ср. тюрк. *kan* «кровь», *kana-* «пускать кровь», «кровоточить», *san* «число», *sana-* «считать». Следовательно, в монгольских языках аффикс *-а* как глаголообразующий форматив не существует.

Далее Рамstedт восстанавливает в качестве «праформы», или «древней формы», тюркских и монгольских языков аффикс глаголообразования *-kira* (тюрк. *-kīra* ~ *-kīra*, монг. письм. *-kira* ~ *kire*)⁵. При помощи этого аффикса в тюркских языках образуется большое количество глагольных основ от звукоподражательных слов. Например: др.-тюрк. *jaңғур* «звучать», казах. *bakır-* «кричать, вопить», *akır-* «громко кричать», *ni-skır-* «фыркать», *tūshkır-* «чихать», *kəskır-* «рыгать», *iskır-* «свистеть»; турецк. *pūfkūr-* «дуть»; туркм. *ğığır* «кричать истошным голосом», *ciğır-* «свистеть», *niñkır-* «прыснуть со смеху», *сінчегір-* «икать», *aiğır-* «кричать», *хорғур-* «храпеть» (о лошади); узб. *bakır-* «громко кричать», *kīchkır-* «кричать», *chakır-* «звать», *nīshkır-* «фыркать». В монгольском письменном языке случаи участия аффикса *-kira* ~ *-kire* в глаголообразовании немногочисленны. Примеры: *qaškira-*, *barkira-* «кричать», *xaikira-* «звать», *šis-kire-* «свистеть», *širkire-* «чирикать».

Существует, на наш взгляд, вполне реальная возможность этимологизации рассматриваемого аффикса на собственно тюркском материале.

¹ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, стр. 59.

² См. «Словарь якутского языка», сост. Э. К. Пекарским, т. 2, Л., 1927, стр. 1680.

³ Так, давая общую характеристику показателей множественности в древнемонгольском языке, С. А. Козин указывает, что употребление аффикса *-nar* ~ *-ner* «засвидетельствовано лишь в трех-четырёх случаях» и в XIII в. «не получило еще должного развития, представляя сравнительно позднюю формацию: *ara-nar*, *dei-ner*, *Oronar*, *Xorilar*» (С. А. Козин, К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, «Уч. зап. ЛГУ», № 69. Серия филол. наук, вып. 10, 1946, стр. 123).

⁴ См. Г. Д. Санджеев, указ. соч., стр. 134.

⁵ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, стр. 224.

Аффикс *-kür(a)* можно считать состоящим из тюркского глагола *ур-* «бить» и заднеязычного согласного, перешедшего к глагольной основе от образных слов, которые нередко сочетаются именно с этим глаголом. Ср. туркм. *хiң ур-* «рычать (о собаке)», *чах чах ур-*, *ках ках ур-* «хохотать», *сарк ур-* «каплять», узб. *заң ур-* «подавать сигнал, звонить», *йов ур-* «бурлить, кипеть»¹. Переход *-kur > -kür* произошел вследствие делабиялизации — процесса, охватившего в XIV—XV вв. непервые слоги многих тюркских языков.

Во многих — в общем ясных — случаях Г. Рамстедт затрудняется установить, опирается ли сходство тюркских и монгольских (иногда и тунгусо-маньчжурских) форм на обоюдные заимствования в области лексики или на древнюю общность этих языков². Приведем два примера: тюрк. *-рук*, монг. письм. *-rɣa* (аффикс отглагольного образования имен) и тюрк. *-дурук*, монг. письм. *-durɣa* (аффикс отыменного образования имен).

Элемент основы *-rɣa* появился в монгольском письменном языке в результате заимствования тюркских слов, образованных при помощи аффикса *-рук*, типа др.-тюрк. *басрук* «пресс» (*бас-* «давить, наступать»), *јумрук* ~ *јумруз* «кулак» (*јум-* «сжимать, закрывать»). Направление фонетических изменений этого элемента определялось присущей древним монгольским языкам тенденцией избегать глухих заднеязычных в конце слова.

Точно так же монг. письм. *-durɣa* восходит к тюрк. *-дурук*. В тюркских языках аффикс *-дурук* ~ *-дүрүк* встречается довольно часто, хотя в настоящее время уже не является продуктивным; ср. др.-тюрк. *кiлдурук* «волосинки на колесе пшеницы» (*кiл* «волосок»), *көмүлдүрүк* «украшение сбруи на груди лошади» (*көңүл* ~ *көмүл* «сердце», «грудь»), *бојундурук* «ирмо» (*бојун* «шея»), ст.-узб. *өмүлдүрүк* «нагрудник» (*өмүл* ~ *өмүр* «грудь»: ср. чуваш. *амра*, *амар* «грудь лошади», монг. письм. *ebür* «грудь», телеут. *өмүр*), *йахадүрүк* «принадлежность конеской сбруи» (*йаха* «кутварь, предметы обихода, оборудование»), *сакалдурук* «особый гребень для бороды» (*сакал* «борода»); турецк. *оғулдурук* «матка» (*оғул* «сын»). В монгольских языках элемент *-durɣa* ~ *-dürge* обнаруживается всего лишь в двух словах — монг. письм. *kömtüldürge* «нагрудный ремень» и бурят. *бэлтэргэ* «волчонок» (ср. др.-тюрк. *көмүлдүрүк*, казах. *бөлтірік*), морфологическое членение которых возможно только на тюркской почве (тюрк. *көмүл* ~ *көңүл* «грудь», *бөл* ~ *бөр* < *бөрі* «волк»). Внешнее своеобразие *-dürge* — следствие приспособительных фонетических изменений. Количество подобных примеров можно немало увеличить.

Несколько примеров морфологических заимствований в алтайских и главным образом в тюркских и монгольских языках приводит Б. Я. Владимирцов: «... монгольский язык, — пишет он, — представляет много примеров своего смешанного происхождения»³. К числу тюркских морфологических заимствований в монгольских языках Б. Я. Владимирцов относит приглагольное деепричастие на *-рун* ~ *-рүн*, конечное деепричастие на *-ра* ~ *-ре* (ср. также в тунгусо-маньчжурских языках), глагольную форму на *-миш* и т. д. Из монгольских языков в тюркские был заимствован, по его мнению, аффикс именного словообразования *-гул*⁴.

¹ Глагол *ур-* часто употребляется и в сочетаниях с именами существительными, например: др.-тюрк. *бојун ур-* «приказывать» (*бојун* «шея»; ср. *бојун сун-* «подчиняться»), *јол ур-* «путешествовать» (*јол* «дорога»), *ат ур-* «называть» (*ат* «имя»), *јүз ур-* «смотреть, взирать» (*јүз* «лицо»), *көңүл ур-* «иметь намерение, стремиться к чему-либо» (*көңүл* «сердце»), ст.-узб. *баш ур-* «бить челом», *давр ур-* «вращаться», *дам ур-* «отдыхать» и т. д.

² См. Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 187; см. также стр. 188, 189, 190.

³ Б. Я. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, ЗВРАО, т. XX, вып. II—III, 1911, стр. 178, 179.

⁴ Там же, стр. 171—180.

То обстоятельство, что в основе многих моментов, объединяющих разные алтайские языки, лежат длительные контакты, отмечает также Л. Лигети: «...племена и народы, носители этих языков, начиная с самых древних времен, многократно вступали друг с другом в длительные и интенсивные соприкосновения. Эти соприкосновения безусловно оставляли следы как в словарном составе отдельных алтайских языков, так и в их грамматической структуре»¹.

В заключение необходимо отметить, что огромное количество лексических и морфологических параллелей выделено Г. Рамstedтом без достаточных оснований. Таковы тюрк. *ördäk* «утка» и монг. письм. *örine* «запад», тюрк. *üç* «три» и монг. письм. *üçiken* «маленький», тюрк. *üzäñ ü*, узб. диал. *zäñi* «стремя» и монг. письм. *dürege* «стремя», тюрк. *kör* «видеть» и монг. письм. *kü* «прямо, ровно», тюрк. *otra* «середина» и монг. письм. *dutora* «в»². Количество подобных параллелей составляет значительную часть используемых Г. Рамstedтом примеров. Характерно, что при выделении указанных выше параллелей Г. Рамstedт иногда не считается даже с теми фонетическими соответствиями, которые он установил сам.

Как нам кажется, все эти соображения, изложенные кратко в пределах одной журнальной статьи, показывают, насколько оправдано то настороженное отношение к алтайской гипотезе, которое Б. Коллиндер склонен объяснять избытком скептицизма.

*

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Материальная и структурная близость алтайских языков несомненна, однако еще нельзя считать выясненным, является ли алтаизм понятием сравнительно-исторического языкознания или же он должен рассматриваться в духе так называемой неолингвистики как лингвистический тип, как совокупность ряда определенных, важных признаков, например агглютинации, гармонии гласных, соподчиненности элементов синтаксических структур и т. д.

2. Важным условием правильного объяснения связей между алтайскими языками является предварительное выделение всего того, что может быть отнесено к заимствованиям, обилие которых признается как противниками, так и сторонниками алтайской гипотезы.

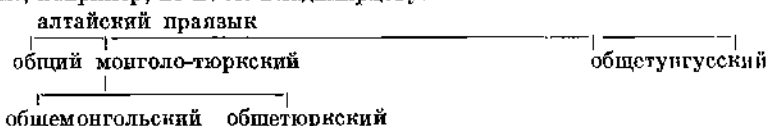
3. Для определения характера связей между алтайскими языками большое значение имеет ограничение сравниваемых объектов. Необходимо исследовать, с одной стороны, связи тюркских и монгольских языков, с другой — связи монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Такой путь исследования тюркско-монголо-тунгусских связей вполне соответствует распространенным среди алтаистов взглядам на отношение разных алтайских языков к праязыку³.

4. Для исследования связей между разными группами алтайских языков может оказаться полезным сочетание сравнительного метода с приемами лингвистической географии, позволяющее более или менее четко разграничить факты заимствования и факты генетического родства (если последнее имело место).

¹ Л. Лигети, указ. соч., стр. 134.

² G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, стр. 46 - 52, 146—147.

³ См., например, по Б. Я. Владимирцову:

(Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка..., стр. 47).